

Доктор Рошаль:

**«САМЫЕ ЛУЧШИЕ
ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ — ДЕТИ»**

В Президент-отеле на годовом собрании Национального фонда «Общественное признание», Независимой организации «Гражданское общество» и Национального гражданского комитета по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами **Леониду Михайловичу Рошалю** «За большой личный вклад в развитие отечественной педиатрии, многолетнюю и плодотворную работу по организации детского здравоохранения, создание бригады Международной скорой помощи, за мужество и самоотверженность, проявленные при исполнении гражданского и профессионального долга в ходе операции по спасению заложников в театральном центре на Дубровке, активную гражданскую позицию» была вручена высшая общественная награда России — Золотой почетный знак «Общественное признание».

В 1988 году Леонид Михайлович во время утренней конференции спросил у своих коллег: «Я — в Армению. Кто со мной?» — и уехал с добровольцами спасать детей туда, где случилось одно из самых страшных землетрясений столетия — в Спитак. Потом его опыт работы в экстремальных ситуациях признают уникальным и бесценным. А его имя станет чуть ли ни паролем во всех «горячих точках» мира, где всегда больше всего страдают дети — самые лучшие на свете люди, как говорит доктор.

Врачи созданной Леонидом Рошалем бригады Международной скорой помощи готовы в любой момент прийти на

помощь детям, попавшим в беду в любой точке мира. Состав ее остается практически неизменным с 1988 года. С тех пор бригада более 20 раз вылетала в районы стихийных бедствий, техногенных катастроф, военных действий. Она работала на ликвидации последствий железнодорожной катастрофы под Уфой, после взрыва завода в Усть-Каменогорске, в зоне боевых действий в Румынии, Югославии, Абхазии, Грузии, Армении и Азербайджане, Израиле и Чечне, в пострадавших от землетрясений Египте, Японии, Грузии, на Сахалине, в Калифорнии, Индии, Афганистане и Турции. 9 мая 2002 года в Капсписке, где от теракта пострадало мно-

го детей, бригада Рошалья приступила к своим обязанностям уже через несколько часов после взрыва. 27 раненых детей удалось спасти.

В 1996 году журналисты назвали Леонида Рошалья Детским доктором мира.

Отдельного слова заслуживает учрежденный профессором Рошалем международный благотворительный фонд помощи детям при катастрофах и войнах. Он красен не финансами, его богатство — единение людей по интересам, зараженных энтузиазмом Леонида Михайловича. Это переводчики, сопровождающие зарубежных гостей, менеджеры, организующие разные се-

Леонид РОШАЛЬ

Родился 27 апреля 1933 г. в г. Ливны Орловской области в семье военнослужащего.

В 1957 г. окончил 2-й МОЛГМИ по специальности педиатр. После окончания института был направлен на работу детским участковым врачом. 20 лет проработал в МОНКИ им. Владимирского.

В 1964 году защитил кандидатскую, а в 1970-м — докторскую диссертацию.

С 1981 года возглавляет отделение неотложной хирургии и травмы детского возраста НИИ педиатрии Научного Центра Здоровья детей РАМН.

В 2003 году стал директором Московского НИИ неотложной детской хирургии и травматологии.

Профессор, автор свыше 200 научных статей и 7 книг. Основным научным направлением является разработка методов диагностики и лечения неотложных хирургических заболеваний у детей.

Леонид Рошал является экспертом Всемирной организации здравоохранения, председателем Международного комитета помощи детям при катастрофах и войнах Всемирной ассоциации неотложной помощи и медицины катастроф (WADEM).

Член комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

минары и конференции. Все они за основную свою работу деньги получают в других местах. Как-то в кабинет профессора в московской детской клинической больницы № 20 постучался ничем не примечательный молодой человек. Сказав, что слышан о добрых делах фонда, выложил на стол 2 тысячи долларов. «Кто вы, как вас зовут?» — Рошаль от смущения и удивления чуть дара речи не лишился. «Имя мое Андрей. Все остальное не имеет значения». Так на счету фонда оказались первые деньги. Его учредители решили потратить их на лечение детей-беженцев.

В дни трагических событий на Дубровке Леонид Рошаль сумел несколько раз пройти в зал, где находились заложники «Норд-Оста», выводил оттуда детей, передавал медикаменты, оказывал помощь больным и раненым, вел переговоры с террористами. За мужество и самоотверженность, проявленные при исполнении гражданского долга в ходе операции, 5 ноября 2002 года Леониду Михайловичу была вручена премия «Национальный герой». Он был награжден знаком отличия «За заслуги перед Москвой». А 28 марта 2003 года в Кремле Президент России лично вручил ему орден Мужества. Известный своим остроумием, доктор Рошаль даже хотел перевернуть этот орден самому В. В. Путину. Однако, президент от награды скромно отказался и высказался в том смысле, что, мол, коли дают — носи.

В глазах власти доктор Рошаль — человек мужественный. А вот люди считают его героем. Приведем лишь некоторые высказывания по этому поводу.

«...Детский доктор Л.М. Рошаль заслуживает звания героя. Именно благо-

даря таким людям Россия все еще жива, несмотря на все невзгоды».

«Спасибо, что есть такие люди в России. Преклоняюсь».

«Он настоящий Врач и Человек».

«Это Врач с большой буквы! Такой, каких сейчас, к великому сожалению, осталось очень мало. Все больше равнодушия и заботы о собственной выгоде. Хотелось бы, чтобы такие люди, как Леонид Михайлович, способные к самоотдаче, становились примером! Он великий и бесстрашный человек. Впрочем, если государство вдруг окажется недостаточно благодарным спасителю детей своих подданных, это ничего не

«Подвижник — человек, который самоотверженно борется за достижение высоких целей на каком-то нелегком поприще».

Из толкового словаря русского языка

изменит: всем людям России, у которых есть сердце, ясно, что безо всяких регалий и официальных документов этот ДОКТОР — ГЕРОЙ».

Из своих 70 лет 45 он спасает детей. Правда, говорит, что не любит такого высокопарного слова. Просто лечит. Разговаривать с этим человеком необыкновенно приятно. От него идет тепло. Детское тепло. Тепло спасенных им ребятишек. Он говорит, и голос его успокаивает собеседника.

— Леонид Михайлович, Вы бывали практически во всех «горячих точках». Скажите, война и педиатрия совместимы?

— Дети и война — это самое противоестественное, что только может быть

на свете. Но сегодня, увы, ситуация такова, что нас к этому жизнь приучает. Поэтому преступно взирать на происходящее со стороны. Мир нужно защищать. И детей. Они абсолютно не повинны в безумствах взрослых.

— Леонид Михайлович, что Вас волнует сегодня больше всего?

— Состояние нашей медицины и, в частности, педиатрии.

— А что нужно для нашего здравоохранения? Кроме денег...

— Как это «кроме денег»? Нужны именно деньги. Это повлечет за собой подготовку кадров, переоснащение поликлиник, больниц и так далее. Без денег же ничего не будет. Я российский доктор, меня волнует здоровье наших детей. В России со смертностью дела обстоят очень неблагоприятно. Она не растет, но она гораздо выше, чем в развитых западных странах. Я очень остро ставлю вопрос о российской поликлинической сети, о нехватке педиатров, об их очень низкой заработной плате. Из-за этого в системе работают много совместителей, пенсионеров. Конечно, это сказывается на качестве медицинской помощи детям. Я очень остро ставлю вопрос и об улучшении медикаментозного обслуживания детей. Нередко случается, когда врачи выписывают рецепт на бесплатное лекарство, а родители в аптеке этого препарата не находят, поскольку туда не перевели деньги на его закупку. И подобных вопросов много.

Когда я разговаривал с президентом страны по поводу медицинского обслуживания, то целый раздел нашей беседы был посвящен детству. Сегодня на детское здравоохранение где-то в два раза выделяется меньше денег, чем нужно не для развития даже, а просто его поддержания на приемлемом уровне.

Надо в полном объеме финансировать здравоохранение, нужно деньги отдавать детям. Не потому, что «дети — наше будущее», а потому, что такое отношение к ним говорит о зрелости гражданского общества. Зрелое общество понимает, что такое дети, и помогает им. И я, как член Комиссии

по правам человека при президенте РФ, возмущен тем, что сегодня 41-я статья Конституции о бесплатном медицинском обслуживании не выполняется. Свою задачу вижу в том, чтобы помочь президенту, как гаранту Конституции, поскольку ситуация в данном вопросе как раз и расхождается с основным законом страны.

— Каково Ваше мнение о работе Министерства здравоохранения?

— У нас есть действенный орган, активно работающий, — это Счетная палата России. Я с большим интересом всегда знакомлюсь с ее заключениями. Колоссальные вещи ее сотрудники обнаруживают! Во время проверок Министерства здравоохранения было достаточно замечаний. И все как с гуся во-

да, как будто не было никакой проверки! Закончилось все какими-то формальными отписками. Это же несерьезно. Мы говорим о здоровье народа! Как используются финансы, куда они идут, что происходит? Все говорят о том, что на здравоохранение дают мало денег. Да, это правда, их необходимо в два раза больше. Или в три. Но, скажите, как расходуются те крохи, которые выделяют власти?!

Как-то один из наших министров публично заявил, что не видит ничего страшного в платной медицине. То есть фактически выступил за отмену 41-й статьи Конституции, гарантирующей бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения. Я, как член Комиссии по правам человека при президенте России, категорически возражаю против подобного заявления!

Наше здравоохранение было и при коммунистах мало обеспечено. Мы и тогда хотели, чтобы на него больше денег выделялось. Но тем не менее по своей организационной сути оно являлось одним из лучших в мире.

— **В Вашей бригаде Международной скорой помощи высококвалифицированные врачи: неврохирурги, травматологи, реаниматологи, общие хирурги, педиатры и другие специалисты. Они могут все. А кто же вас финансирует?**

Сын родился!

Отец и сын
47 лет спустя

— Вообще все, кто работает в бригаде, вокруг меня, волонтеры. Мы никаких денег не получаем. Это было особенно важно в минувшее десятилетие, когда на Россию смотрели косо, да и сейчас продолжают смотреть так же, считая, что она страна бандитов и негодяев. Что интересно: к Советскому Союзу относились плохо, а теперь уже, кажется, коммунизма нет, а хвост этих отношений мы все равно чувствуем. И когда куда-то прилетает наша российская бригада волонтеров, которые неприятельны в быту, но при этом работают, как боги, все видят, что в России живут не только плохие люди. Местные жители к нам тянутся, сердечно благодарят за

спасенных детей. Это дорогого стоит. Общественное мнение о России в странах, где мы побывали, меняется. Там помнят, что приезжали российские врачи, которые действительно помогали. Словом, мы это просто общественная организация, волонтеры, и нам удается найти средства на дорогу. Мир не без добрых людей. Хочу сказать огромное спасибо российскому «Аэрофлоту». Знаете, он в Японию, Турцию, Индию возил нас бесплатно.

— **Не опасаетесь ли вы снижения роли общественных гуманитарных организаций? Если даже ООН игнорируется теми же США и Великобританией, то каким Вы видите будущее Вашего движения «Врачи за мир»?**

— Движение «Врачи за мир» — это врачи против терроризма. Общественное движение убить, как и жизнь, невозможно. Но вы поставили более серьезный вопрос в отношении роли Организации Объединенных Наций. Я — не политик, я — детский доктор и рассуждаю со своих позиций. Не хочу вдаваться в большие политические дискуссии, но могу констатировать, что сегодня, конечно, Организация Объединенных Наций в растерянности. Я разговаривал с руководством Всемирной организации здравоохранения, с руководством ЮНИСЕФ, с господином Отуну, со специальным представителем генерального секретаря по помощи детям в военных конфликтах.

Я разговаривал с господином Осима, это заместитель генерального секретаря, который занимается проблемами гуманитарной помощи. И вижу, что мир, человечество находится в очень сложном периоде. Куда пойдет развитие цивилизованного общества, каким образом будут найдены компромиссы более разумных взаимоотношений между ООН и США? Это все важнейшие вопросы.

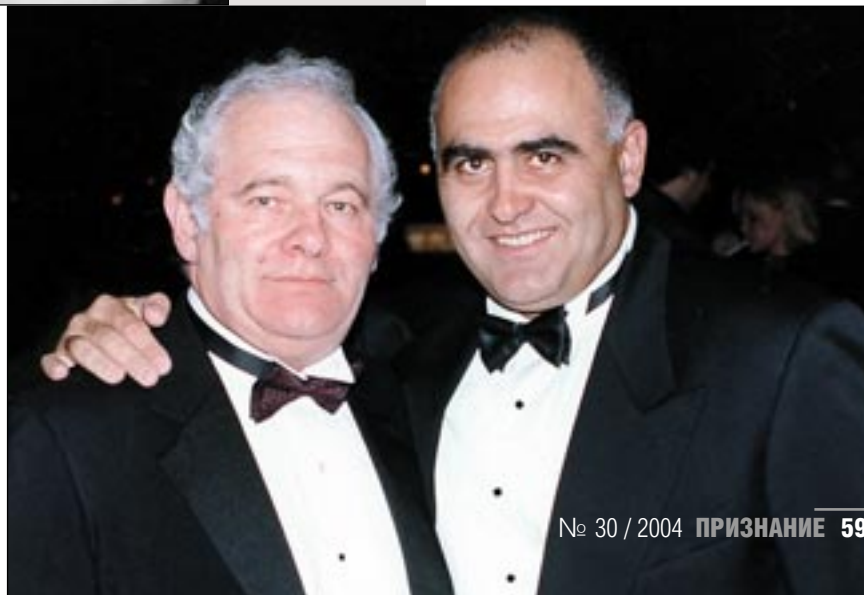
— **Вы многое сделали, чтобы вывести раненых детей из Ирака на лечение в Россию. Но почему же Международный Красный Крест не помог осуществить Вам это намерение, не захотел принять участие в организации вывоза детей для лечения в России?**

— Я считаю, что в данном случае Красный Крест совершил колоссальную ошибку. Создание «зеленого» или гуманитарного коридора предусмотрено декларациями и соглашениями ООН о помощи во время конфликтов не только детям, но и женщинам. А это значит, когда стало понятно, что все же война в Ираке начнется, уже тогда надо было готовиться к возможному созданию гуманитарного коридора. Международный Красный Крест просто испугался в данной ситуации. Поэтому я сказал тогда журналистам, что если Международный Красный Крест боится, значит, надо создать другую организацию, которая в таких ситуациях сможет договариваться со сторонами и окажет конкретную помощь пострадавшим детям.

— **Какой сегодня самый критический детский возраст в России, наиболее подверженный заболеваниям?**

— Группы риска как были, так они все приблизительно и остаются. Это новорожденные прежде всего, хотя за последнее время здесь и достигнуты определенные успехи. В России смертность чуть-чуть пошла вниз в этом периоде. Но дети умирают и в старшем возрасте. На первом месте среди причин смертности у подростков стоят травмы, отравления, утопления, несчастные случаи.

— **Мне хотелось бы задать Вам вопрос как человеку, как гражданину. Какие первоначальные меры, касающиеся настоящего и будущего**

здоровья российских детей, стоило бы предпринять общественности, нашим законодательным, исполнительным органам и президенту?

— Знаете, здесь даже не законы нужны, а просто действия в условиях существующего законодательства. Когда здравоохранение было во многом возложено на плечи территорий, надо было определить минимально необходимую долю ВВП, которая должна в обязательном порядке идти на нужды здравоохранения. И надо законодательно определить, что около 40 процентов от этого будет тратиться на здоровье детей и женщин.

А сегодня государство в большом долгу перед нашими детьми. Дети и катастрофа — под это понятие попали миллионы маленьких граждан России. Должен быть составлен специальный реестр, в который нужно внести каждого ребенка, столкнувшегося с бедой, — будь то сирота, потерявший родителей во время войны, или малыш, брошенный матерью в роддоме. И взрослые должны знать, как складывается судьба каждого такого ребенка. А защищать его должен Закон об охране здоровья детей, который следует принять в ближайшее время.

И еще. Не нужно нам так отечественную медицину поносить! У меня клиника неотложной хирургии травм на Полянке. По методикам лечения, по обследованиям и так далее мы выше зарубежных стран. Это единственная клиника, где 96 процентов операций при аппендиците и перитоните делают лапароскопическим методом. Это же замечательно. Пусть приведут мне в качестве примера такую клинику за рубежом, хотел бы посмотреть.

рые могли вырасти в хороших специалистах. Ни один из известных мне детских хирургов не мог бы создать на пяточке детской Филатовской больницы, которая являлась базой 2-го Московского медицинского института имени И.В. Сталина, такой коллектив, из которого вышли потом много академиков, больших ученых, руководителей клиник, просто прекрасных детских врачей. Я впитал эту атмосферу навсегда. С теплотой вспоминаю и Станислава Яковлевича Долецкого, великолепного хирурга, очень одаренного, но сложного человека, который стал большим моим другом.

— Обид не прощаете, Леонид Михайлович?

— Нет-нет, что вы, я отходчивый. Я иногда даже забываю, в чем состоял конфликт некоторое время назад. Однажды иду по улице Горького, а навстречу какой-то мужик, лицо знакомое. Мы друг другу: «Здорово!», расцеловались даже. «Как дела?» — «Хорошо!» — «Увидимся?» — «Увидимся». Я пошел дальше и вдруг вспомнил, что это был такой гаденьш!

— Почему Вы выбрали детскую хирургию — самую тяжелую, самую нагрузочную по эмоциям, ведь постоянно на глазах страдающие дети?

— А почему какому-то мужчине нравится определенная женщина, а другая не нравится? Ну не знаю. Если перечислить по пунктам, за что любит, значит — не любит. Если я начну рассказывать, почему я так люблю детей, то получится глупо. Это все изнутри, об этом даже не говорится. И потом, можно любить свою профессию, но не состояться в ней. Лю-

бить еще не значит стать. А если Богом дано стать и любить — вот это и есть настоящее счастье.

— Вся жизнь Вы общаетесь с детьми. Чему учились у них?

— Кто работает с детьми, говорит, что от них набираешься непосредственности. Это, может быть, и есть, но совсем чуть-чуть. В работе с детьми, конечно, существуют особые формы поведения, но я никогда с ними не заигрываю. Всегда с ребенком любого возраста, когда он уже начинает соображать, я общаюсь, как со взрослым.

И когда дети бросаются на пол или еще что-то выкидывают, я на это очень спокойно реагирую. И мой сын всегда знал, что плачем, капризами от меня ничего не добьешься. И когда он маленький начинал орать, я всегда говорил жене: не бери на руки. Изверг, конечно. Но если стоять на своем, то потом все будет нормально. Когда дети плачут, легкие хорошо развиваются, значит, пневмонии не будет. Впрочем, это шутка. И у самого от детского плача сердце разрывается.

— Вы когда-нибудь считали, скольким детям Вы, спасая их, сделали операцию?

— Никогда не подсчитывал, потому что операция — это даже не половина хирургии. Самое главное — не просто прооперировать, самое главное потом выходить. Я ведь не только хирург, я еще в какой-то степени, пусть на меня не обижаются реаниматологи, занимаюсь и их проблемой. Потому что это необходимо, особенно когда оказываешься в критической ситуации, когда ты один должен принять решение.

— Не стану расспрашивать Вас о пережитом на Дубровке: об этом написано и сказано уже много. Давайте лучше поговорим о ваших учителях.

— Я очень рад, что мы не говорим о теракте. Это очень тяжело вспоминать. И так, о моих учителях. Первый из них — Сергей Дмитриевич Терновский. Вот его портрет на стеллаже. У Сергея Дмитриевича было особое чутье на молодежь, особое чутье на людей, кото-

2002 год...
Трагедия на Дубровке

— **Вы объехали весь мир, работали во многих странах. Наверняка там Вам как выдающемуся врачу делали какие-то лестные, престижные предложения о работе? Не соблазнились?**

— Я из России никуда и никогда не уеду. Я считаю, что человек должен жить там, где родился и где ему интересно жить. Мне здесь интересно. Потому что здесь у меня достойная работа, замечательные друзья, потому что я здесь не чужой человек, потому что для меня нет проблем (опять шутка). Я полностью себя здесь могу реализовать (и вот это уже не шутка). У меня здесь родственники, могилы папы, мамы, брата, других близких и дорогих мне ушедших друзей. Куда я поеду?

— **Расскажите о родителях — Вы пошли по их стопам?**

— У меня в семье медиков не было. Отец — воспитанник детского дома, беспризорником был. Потом в военно-воздушных силах служил командиром дивизии. Мама была рабочая. Расписались они, когда папе было 18, маме — 17 лет. Ему надо было идти в армию, а она шла на его место работать. Потом рабфаки всякие окончила. Потрясающая, очаровательная женщина с огромной внутренней культурой. А отец довольно жесткий был человек. Но умел любить детей совершенно безумно. Был у меня брат, но, к сожалению, погиб в 30 лет от злокачественной опухоли. А сестра Наташа жива, очень хорошая девочка. У нас с братом и сестрой была разница в возрасте приличная, и я для них был, как второй папа.

— **А вся эта коммерциализация, которая теперь везде и всюду, Вас не изменила?**

— Как человек, я какой был, такой и остался. У нас здесь, в 20-й детской больнице, которая сейчас преобразована в НИИ неотложной детской хирургии и травматологии, нет ни одной коммерческой структуры. Мы всех детей лечим бесплатно, как и в других детских больницах Москвы. Но вы затронули очень сложный вопрос. Своим сотрудникам я сказал: ребята, если я когда-нибудь услышу, что в приемном покое или где-то вы говорите: «Дайте деньги, и я тогда вам сделаю операцию, или госпитализирую», или еще что-то, — голова с плеч! Уйдете из коллектива. Но я не имею права им сказать, не берите, если без всяких намеков после выписки больного ребенка кто-нибудь из родителей от чистого сердца принесет бутылку коньяка, цветы или даже деньги в знак благодарности. Знаете, это великое чувство благодарности я и сам как-то испытал. Попал в катастрофу. А когда выходил из больницы, приготовил подарки и для заведующей отделением, и для врачей, и сестер, и санитарок. Очень волновался, мне так страшно было, что они не возьмут! Чувство благодарности у человека никто и никогда отменить не может. Знаете, с возрастом я

стал мудрее и мягче по отношению к родителям и врачам.

— **А к Вам, что же, с конвертиком — не подойти?**

— Да, это точно. К себе я строг по-прежнему. Пошлю и все. И это действительно так. Цветы можно принести. Но, повторяю, я могу в этом вопросе отвечать только за себя. Если другой доктор, подчеркиваю, в знак благодарности возьмет деньги, я осуждать его не имею права.

— **Каждому нормальному человеку введом страх. Когда Вам было страшнее всего?**

— Я не хочу из себя делать сверхчеловека. Я абсолютно нормален. Но мне никогда не было страшно. Серьезно говорю. Если у меня есть цель, если есть работа, если я нужен, то должен делать. Вперед и все, и я это делаю. Если не я, то кто?

Но и для меня есть нечто страшное: это «моральный суд Линча», который учиняют порой, и учиняют безнаказанно, современные журналисты над чело-

веком. Таких историй у нас много. Они на совести журналистов, которым ничего не стоит растоптать чье-то человеческое достоинство, походя лишит кого-то чести, смешать с грязью, приговорить к моральной смерти. Вот против чего во мне все восстает, от чего сжимается сердце!

— **Когда и как Вы отдыхаете? Раньше, когда не было возможности, где мечтали побывать и где побывали?**

— Была у меня одна такая яркая по своим впечатлениям поездка. Несколько лет тому назад летал я на конгресс в Америку. Из Америки — на отдых на Кубу через Ямайку. И что интересно, мы сейчас Кубу поругиваем, а народ Ямайки, Коста-Рики, даже Мексики с большим уважением относятся к этой стране, потому что там есть хоть и бедная, но стабильность. На Кубе я как будто вернулся в Советский Союз. Я не видел там валяющихся нищих на улицах, и страна, ко-

Л. Рошаль с заслуженным врачом России главным врачом клиники М. Бухрашвили

1950 год. С младшей сестрой Наташей. Надпись на обороте фотографии: «Пусть наша дружба будет вечной»

Доктор Рошал с Еленой Малышевой на телепередаче «Здоровье»

Турция. Международная бригада скорой помощи Рошала во время короткой паузы между операциями

пять тысяч квадратных метров по 10 долларов за метр. И это в центре Москвы! И мы, выиграв 27 судов, вернули это здание государству. Но надо было выдержать 14 лет борьбы!

— **А врачи бывают суеверными?**

— Конечно! Я, например, ненавижу число 13. Однажды сел в самолет, а номер рейса оказался 13-м. Хотел вылезти. Но полетел все-таки.

— **Считается, что медицина иногда противоречит божественным законам жизни: когда человек находится, например, в состоянии комы, а его аппаратами продолжают «держат» на этом свете...**

нечно, замечательная! Удивительно красивая Гавана! Но, к сожалению, ее архитектуру надо восстанавливать. Как у нас было во время революции, когда из хороших домов богатеев-то убрали, а дома отдали под коммуналки, а коммунальные квартиры — они и есть коммунальные квартиры. Но зато у народа есть крыша над головой. И он живет. Хитрит и живет. Как мы — хитрили и жили.

— **Говорят, обычно настоящие друзья только те, что с юности, молодости. Вы тоже так считаете?**

— У меня есть друзья со школы, мы собираемся до сих пор. На 50-летие окончания собирались классом. Классом был небольшой — 24 выпускника, из них человек 15 собрались. Один раз в пять лет мы собираем друзей институтских. В этом году праздновали 45 лет своего выпуска. А я председатель нашего студенческого оргкомитета. Очень много достойных людей получилось из моих однокашников. Мне вообще всю жизнь с друзьями везет.

— **В Ваше время в дружбу вкладывали еще какое-то, очень серьезное содержание?**

— Я убежден, что и сейчас это понятие так и осталось емким. Человек по своей натуре при разных формациях меняется очень мало. По своим эмоциям, отношению к добру, злу, любви вне зависимости от национальности по всему миру мы все абсолютно одинаковые. И японцы, и эскимосы, и американцы, и французы. И чеченцы. И так же обманут, и так же делают добро, и так же придут на помощь и спасут.

— **Я хотела поговорить с Вами о любви. Есть такая точка зрения, что у человека с возрастом происходит некая утрата романтизма этого чувства, приходят разочарования в юношеских идеалах, в любви, в несбывшихся надеждах.**

— Со мной этого, слава Богу, не произошло. Мне кажется, я только начинаю жить. Я, быть может, человек инфантильный, а может, и нормальный. Могу любить сейчас, точно так же, как в 17 лет. Ощущение то же самое.

— **То есть своего возраста не ощущаете?**

— Не ощущаю. Даже не знаю, сколько мне лет. Кажется, уже за 70? Да?

— **Но тем не менее какие-то ограничения жизнь и перед Вами, наверное, ставит? Или все по-прежнему возможно и доступно?**

— Вы очень точно сказали: возможно и доступно! Только в еде ограничения делаю. Нет, я не любитель покушать, просто я беспорядочно живу. И не знаю, когда покушаю. Иногда ночью, иногда утром — как придется.

— **А ваше любимое блюдо?**

— Гречневая каша с луком.

— **Значит, Вы сторонник здорового образа жизни?**

— Нет, мне некогда этим заниматься, но при всем при том я нормально себя чувствую.

— **Леонид Михайлович, по гороскопу Вы Телец. Считается, что это очень, извините, «упертый» знак.**

— Точно, и нечего извиняться. Если я что-то решил, могу годы доказывать свою правоту. Приведу пример. Несмотря на то, что наша больница не огромная, у нас все для лечения есть. Но условия пребывания детей в этой хорошей больнице плохие из-за скученности в палатах. Некуда ставить аппаратуру. Больнице ведь 100 лет! Рядом с нами впритык стоит корпус, который продали коммерческой структуре за бесценок:

— То, что медицина должна спасать, у меня сомнений не вызывает. Хотя к вере отношусь очень трепетно. Я читал все — и Коран, и Завет, и Талмуд. Не знаю ни одной плохой веры! Они все проповедуют добро: не убий, не навреди. Но вера — опасное оружие в руках неблагодарных. А такие есть в каждой религии. Вспомните кровавые христианские походы во времена средневековья, инквизицию. Когда-нибудь, через 500, через 1000 лет, человечество, если оно будет разумным, должно прийти к единой вере. И, конечно, должен быть Бог. Даже если Всевышнего нет, его надо придумать. Когда люди приходят в церковь и ставят свечку за здоровье больного ребенка, им становится легче. В несчастье, в беде это как опора. Должно быть что-то сверхъестественное, во что ты веришь. Это помогает человеку остаться человеком, помогает ему жить.

— **Как Вы думаете, Ваших коллег низкая зарплата не унижает?**

— Конечно унижает! Смотрю на своих врачей, как на героев. За ничую зарплату — оперировать и лечить детей, дежурить сутками! И при этом не рвать на себе рубашку и не орать, что они герои. Но, по большому счету, они герои! Таковыми, считаю, являются все

медицинские работники, которые продолжают работать в практическом государственном здравоохранении.

В нашей больнице в коммерческие структуры ушли только два или три врача, но это не было большой потерей для нас. Остальные же продолжают до сих пор работать не за страх а за совесть. Но я думаю, что самое тяжелое время мы пережили.

Очень мне обидно, что мы часто пинаем наше здравоохранение. Но если взять среднеарифметического детского доктора российского и немецкого, американского, французского, то наш будет выглядеть совсем неплохо. А может быть, окажется и лучшим.

Я посидел как-то на приеме у американского участкового платного педиатра. Очень обаятельный человек. Приезжал ко мне на потрясающей серебристой «БМВ». Но я посмотрел, как все у него организовано, какие рекомендации он дает пациентам. Ну, клянусь вам, это советы нашего фельдшера!

— Уровень взрослой смертности в России за последнее время сильно вырос. А детская смертность осталась на том же уровне, что и до перестройки. Да?

— Да, это правда. Но чего мы прыгаем, радуемся?! Все равно наша детская смертность в два, в три раза выше, чем в Европе! А рождаемость? Мы должны ее увеличить хотя бы в два раза, чтобы не выродиться. Правда, сейчас ситуация немного улучшилась. Но не потому, что государство дало родителям какие-то льготы, социальные гарантии, а потому что произвела потомство популяция 1985 года. (Именно в 85-м была наивысшая рождаемость в России.) Но, посмотрите, через 20 лет будет полный демографический провал.

— Леонид Михайлович, у Вас есть сын. Расскажите о нем подробнее.

— Сына зовут Сережа. Он окончил медицинский институт, работал дерматологом. Причем я никогда не советовал ему идти в медицину. Потом он стал заниматься коммерцией и сейчас практически ушел из здравоохранения. И я опять ему ничего не говорю. Это его выбор.

Есть у меня внучка, ей 19 лет. Очаровательный человек, которого я безумно люблю. Она сейчас учится, будет заниматься вопросами психологии. Я всегда удивлялся, когда мой отец говорил: «Любовь деда к внукам — это не то же самое, что любовь к детям, а совсем другое». Я ему не верил. А сейчас просто растворяюсь в своих чувствах к внучке. Подойдешь к Женечке, обнимешь, прижмешь к себе, и кажется, что ничего и не надо больше в жизни...

— Вас, наверное, люди на улицах узнают? Слава не тяготит?

— Во всяком случае слава мне не мешает. Она ходит где-то рядом, особо меня не задевая.

— И последний вопрос. Скажите, Леонид Михайлович, Вы счастливый человек?

— Однозначно! Когда знакомлюсь с людьми, рассказываю, кто я такой, то слышу в ответ: «Ой! Как хорошо! У меня есть ребеночек!» Я необходим людям. От сознания этого мне хорошо жить. И знаете, мне кажется, я жить только начинаю: весь в своих планах на будущее. И пусть арифметика мне доказывает, что большая часть жизни уже позади. Не верю я ей.

Но, знаете, мне нравится та жизнь, которую прожил. Жаль, что она пролетела так быстро. Но я радуюсь, что еще так много впереди, так много надо выполнить из задуманного, и от этого мне интересно жить. И замечательно, что я не чувствую груза прожитых лет. Счастлив, что я детский доктор.

Знаете, ведь это особая профессия. У нас, детских врачей, очень развито клиническое зрение. Мы же почти, как

ветеринары. Маленький ребенок не умеет толково рассказать, что и как у него болит. Поэтому его боль надо как бы самому почувствовать, увидеть. Или другое. Ребенок лежит в палате раненый во время землетрясения. У него нет ножек. Он ищет взглядом, где его мама и папа. И никак он не может понять, что их уже нет в живых. И вот ты должен в первое время заменить ему родителей, всеми силами облегчить детские страдания, сделать все, чтобы уменьшить ту боль и душевную травму, которую не лечат даже годы.

Да, на детских врачах особая печать и особая ответственность. Ведь они понимают, что дети есть дети. И работают мои коллеги, чего бы это им ни стоило, как бы самим трудно ни приходилось. Особенно в последнее время. Знаете, я бы поставил памятник детскому врачу эпохи перестройки!

Беседовала Светлана Коломеец

Встреча с одноклассниками через 50 лет

На этом фото Леониду Михайловичу 40 лет. С тех пор он совсем не изменился!